

БАХТИЯР
БАГАБЗАДЕ

ЗОРИ

БАХТИЯР ВАГАБЗАДЕ

ЗОРИ

Стихи

*Авторизованный перевод
с азербайджанского*

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА 1974

М. Ф. Ахундов адына
Азербайжан Республика
Девлет КИТАБХАНАСЫ

Имя поэта Бахтияра Вагабзаде широко известно не только в его родном Азербайджане. Его стихи неоднократно издавались в переводе на русский язык и получили заслуженное признание читателей и критики. В новую книгу поэта вошли стихи, написанные им за последнее время.

© Перевод на русский язык. Издательство «Советский писатель», 1974 г.

В $\frac{70403-374}{083(02)-74}$ 267-75

РАЗМЫШЛЕНИЕ

Когда упал пичком я, словно спелый плод, в траву,
То вдруг прозрел:

травы шуршит и грезит наяву.

Все в размышление:

Солнце в небе,

На лугу цветы,

Порхающие бабочки,

их крылышки — мечты.

И горные вершины на закате

в размышление.

Деревья

и река на перекате

в размышление.

И каждое созданье,

кем бы ни было оно,

Сейчас

всем существом своим

в себя погружено,

Купается в волшебном аромате размышления.

ДЕД, ОТЕЦ И Я

Мое космическое путешествие на корабле «Аполлон-8» еще раз убедило меня в том, что мы все живем на очень маленькой планете.

Ф. Борман

Мой дед лишь однажды в жизни своей
Проехал в Агдаш из Шеки,
И ему показались просторы полей
Необъятны и широки.
— И это все владенья царя? —
У возницы спрашивал он.
Если подумать,
Совсем не зря
Дед мой был удивлен.
Всю жизнь в Шеки всходила зря,
Тянулись дни не спеша,
И вдруг
Увеличивается земля
До самого... Агдаша!

Ровно восемьдесят километров!
Шутка ль, — по склонам гор!
Стала для деда
Дорога эта
Мерой длины с тех пор.

Отец меня на руки брал, мальчика,
Подбрасывал до потолка
И спрашивал:
— Любишь ли ты отца?
Как любовь твоя
Велика?

— Любовь моя велика,
Как земля! —
Кричал восторженно я.
— Молодец! —
Говорил мне отец, смеясь. —
Необъятна, сынок, земля!

Ведь мерой величия
У отца
Был мир земной,
Не пмевший конца...

Боюсь,
Заблудится разум мой
В пространстве, открывшемся мне,
Где руку
Наш маленький пар земной
Уже протянул к Луне.

Лачуга наша, темный низкий кров,
Да склон горы, деревьями заросший...
Шагал мой дед в горах с вязанкой дров —
С тяжелою пожизненною ношей.

Шагал он ровно восемьдесят лет,
И каждый день был вспахан тяжким плугом,
Из чаши горя пил он свой «шербет»,
Но не сдавался и не падал духом.

Трудился дед мой, проливая пот,
И мир дремучий был ему не страшен,
Он вырастил — души своей оплот —
Семь сыновей,
как семь высоких башен.

Сказал:
«Трудитесь, не жалея сил,
Смелей живите, веселее смейтесь...»

Однажды молча обошел село,
Как будто с каждым домом попрощался.
Один лишь раз он заболел всего,
И лег в постель, и больше не поднялся.

Но все не шел к нему последний сон,
И, думая о чем-то и вздыхая,
Он все лежал,
и слушал, слушал он,
Как шла весна, грозою поlyingая.

— Не вовремя свалил меня недуг, —
Сказал он. — Постелите мне на воле,
В последний раз
 хочу увидеть луг,
В последний раз
 хочу услышать поле.

И вынесли его под небеса,
И на лугу зеленом положили,
И обступили птичьи голоса,
Цветы его и травы окружили.

Был тихий-тихий предвечерний час,
 День золотился на исходе силы...
 Он в небеса взглянул в последний раз
 И прошептал:
 — Как облака красивы...

Он прожил ровно восемьдесят лет,
Он занят был всю жизнь насущным хлебом,
И в первый раз
 успел он на земле
В последний час
 полюбоваться небом.

ЗОВ РОДНОЙ ПРИРОДЫ

Устал...
 Останови!
Все время рев моторный.
Колеса вместо ног —
 вот странствие мое.
Позволь мне самому земли коснуться черной!
Забыл, когда босым ступал я на нее?..
Кружение колес...
Дороги, крылья, рельсы.
Лишь то и разглядим,
Что промелькнет вдаль.
Кружение колес...
Несемся, как припелыцы
С неведомых планет,
Не чувствуя земли.

Смотри, стоит гора, накинув зелень платья.
Тропинки на горе лежат рядами бус.
О город, погоди,
Я в тесные объятья
Твоих прямых камней,
Как ни бегу, вернусь.

Нашлись они иль нет, в Гренландии, те бомбы?
Их ищут или нет?
Тревожно на душе.
Я на тебя смотрю —

задумался ты тоже.

И воздух помрачнел.

Лишь луг один горит,
В мерцающих цветах невольный страх размпожа.
И тени без причин на лицах пролегли,
И солнце стало вдруг как будто бы темнее...
Что делать, друг,

теперь

и впрямь мы не умеем

Бездумно красоту любить своей земли.

ФАЭТОН

Катит важно фэатон
По мостовой...
То ли сон,
То ли явь,
То ли тень,
То ли сам вчерашний день...
Уж не дед ли это мой
Возвращается домой?..

Прорывается сквозь рев,
Сквозь шуршанье шин машин
Звон серебряный подков,
Понукающее «но!»,
Ржанье сытое гнедых,
Клич воинственных мужчин —
Долетает сквозь окно
Вечной памяти о них...

Бабушка
Глядит в окно.
Улыбнулась, расцвела:
Фэатон!
Ах, как давно
На балу я не была!..

Ей напомнил фэтон
Платья бального
Фасон...
Подкатила на гнедых.
У ворот встречали жених...
Ах, зачем же фэтон
Под окном ее возник?
Снова молодости сон —
Как дурманящий цветник.
До сих пор в ее глазах
Фэтонная тоска.
Юбка в складку
И в цветах
Шелк веселого платка.
Все сияло и цвело.
Все завяло и прошло.
Ветром жизни унесло
Дни и месяцы любви.
А теперь зови, лови!..

Подлинное — это то,
Что хранит ее альбом.
Настоящее — ничто,
Лишь легенда о былом...

Молнией сверкнула мысль,
Озарила даль и высь.
Бабушку пронзила боль
Пробужденья:
Снова хворь.
Поняла она,
Чего
Лишена

1-380139

Теперь —
Всего!..
Ни при чем тут фэтон.
Нет, тоску принес не он.
Вспомнила она мечты,
Юность, свадьбу
И цветы...

Катит важно фэтон
По бакинской мостовой.
То ли сон,
То ли явь,
То ли тень,
То ли сам вчерашний день...
Что случилось вдруг со мной?
По дороге столбовой
Пыльной памяти моей
Катят мысли чередой...
В тусклом свете фонарей
С места сдвинулись дома,
Старых улиц кутерьма.
Проезжают вновь и вновь
Мимо нашего двора
Люди, молодость, любовь,
И страдания, и боль,
И далекое вчера,
И сегодняшняя близь.
Эй, постой,
Остановись! —
Катит будущая жизнь!

М. Ф. Ахундов адына
Азербайжан Республика
Давлат КИТАБХАНАСЫ

Память — пыльная дорога
 прямо в быль.
Жизнь моя передо мной вся на виду.
По дороге той,
 старая на ходу,
Довоенный тарактит автомобиль...

Друг, не все, что модно,
Принимай в расчет
И не ослепляйся новшествами дня.
Нынче новой «Волге» слава и почет.
Рядом с нею «эмка» лишь смешит меня.

Вот газует «эмка».
«Волга» рядом с ней.
«Волга» обгоняет:

[illegible]

19

И несчастен тот,
кто, словно «М-ОДИН»,
Устарел снаружи,
Устарел внутри.

Жизнь не ждет.
Свое диктует каждый век.
Не стоять на месте —
мчаться вдаль и ввысь!
Полбеды, когда стареет человек.
И беда, когда стареет его мысль.

В СЕРДЦЕ ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА

Слушаю радио. Сводка погоды:
«Днем малооблачно, к вечеру снег...»
Прихоти климата — тайну природы —
Как хорошо изучил человек!..

Что будет завтра, знаем мы ныне.
О человек!
Не сдавайся гордыне!

Ветра порывы, дожди и морозы
Можно на месяц вперед предсказать.
Но отчего ж не составить прогноза
Сердцу —
любить ли ему или страдать?..

За год четыре времени года
Переживает природа земли.
В сердце ж моем ежечасно погода
Осени, лета, весны и зимы.

Что будет завтра, знаем мы ныне.
О человек,
Опасайся гордыни!..

К ЧЕМУ ГОРДЫНЯ?

Когда вся жизнь нам — весна,
На сердце вьюга к чему?
Зачем гордыня любви?
Ее услуга к чему?

Когда я — радость твоя,
Когда я — горечь твоя,
Зачем гордыня тебе,
Когда я — гордость твоя?

Зачем играть своим «я»?
Нужна ль гордыня любви?
Ведь все равно наши «я»
Сгорят в камине любви.

Гордыня губит любовь.
Она страшнее врага.
Растопят слезы ль мои
Твоей гордыни снега?

ЧТО СИЛЬНЕЕ?

У меня жар.
Тело горит и душа.
Нет сил шевельнуться.
Лежу не дыша.
Сколько же градусов
нагнал мне микроб?

Правую руку кладу я на лоб.
Тридцать девять?

Сорок?

А может быть, за?..

Стараюсь понять.
Закрываю глаза.
Но тщетно.
Увы, человек — не прибор!
А был бы термометр — другой разговор!
Да, странно.
Выходит, моя мысль слабей.
Но тот же термометр —
созданье людей!

Полезная вещь.
Но не надо прикрас.
Иль наши творенья уже выше нас?

Ношу очки,
А то в каких-нибудь
И десяти вокруг не вижу метрах.

Я прежде четко различал предметы,
Лишь ускользала от меня их суть.
Теперь и зоркость взгляда не такая,
Но в суть вещей
Я глубже проникаю.

ПОСТОЙ, ЧЕЛОВЕК!

Человеку огонь подарил
Прометей!

— Эй, Человек,
эгей!

Куда ты спешишь?

Погоди,
постой!

— Нет времени у меня!

Вперед,
к познанию цели земной

Ведет меня
факел огня!

Прошло то время,
когда, молясь,

Я верил:
«Велик Аллах!»

Сегодня —
«Велик Человек!»

И земля

И небо —
в его руках.

Огонь,
полученный мною в дар,

Как зная,
 горит впереди,
Все ярче
 в мире
 его пожар,
Отступает тьма
 перед ним.
— Эгей, Человек,
 погоди, постой,
Послушай совет простой.
Ты стал
 велик
 со своим огнем,
Семимильны твои шаги,
Но шутки,
 ты знаешь,
 плохи с огнем,—
Смотри
 себя не сожги!

ВРЕМЯ И МЫ

Мелькают у времени
Быстрые пятки.
Догоним?
Догоним!
Бежим без оглядки...
Торопятся люди,
И я не стою,
Как будто судьбу
Договняем свою.
К трамваю,
В автобус,
Давай.
Не зевай,
Как будто последний
Автобус-трамвай!
Скорей!
На колеса!
Быстрее домчаться,
Настигнуть,
Догнать
Небывалое счастье!
Бежим без оглядки...

А мы глядим на это все с таким азартом,
Как будто нам транслируют
игру в хоккей...

За ужином иль нардами,
бросая кости,
Мы — телевизора назойливые гости...

РЕАЛЬНОСТЬ И МЕЧТА

Реальность в глаза мечте
Сказала: «Я — то, что есть.
А ты лишь из слов мечеть,
Возникшая в пустоте
возвышенных слов мечеть.
Желаний твоих река
Течет в моих берегах,
а ты — через край, сумей!
На деле — не на словах.
Зачем витать в облаках.
Ну что ж ты, дерзай, смелей!»
Сказала в ответ мечта:
«Я — космос, а ты — трава.
Ты хочешь мне дать понять,
что мой предел — голова.
Но если весь этот мир
в границах лежит ума,
То я — свобода сама
п ум для меня — тюрьма».

КРЫЛЬЯ МОИХ ДУМ

Мечты, мечты надо мной —
Как два крыла за спиной.
Над необъятной страной
Простер я крылья мечты
И вижу мир с высоты:
Он очень мал,
Очень мал.
Но это, Родина, — ты!..

Как только разум прозрел,
Он полетел в этот мир,
Соткал из облачных сфер
Легенду,
Сказку
И миф...

Я лечу,
гей!
Я лечу!..

Выше гор,
Куда хочу.
Что мне ночь!
Что мне день!
Что мне свет!

Что мне тень!
Путь мечтам моим открыт.
Им конца-начала нет,
Отдыха-причала нет.
Кто дал свободу тебе,
О птица — радость земли?
Свобода — вечный полет.
Нет у свободы границ,
Есть два крыла,
как у птиц,
Она, как птица, живет.

Свободны
крылья мечты.
Высоте предела нет.
И мечте предела нет.
Порой и неба простор,
И даже космос ночной
Для мысли тесен одной.

Летишь,
летишь
ты, мечта,
В занебесную страну.
Что там — жизнь или пустота?
Под какой, скажи, звездой
Ты совьешь себе гнездо?..

Стань передо мной,
смотри
Взором
пламенным
зари,

Мечта, ты выше меня!
Твои шаги в голове,
А голова
 в синеве
Замечтавшегося
 дня.

И я свободен,
 и я!
Два крыла моей мечты
Меня уносят с земли
Дорогой вечной судьбы
До неведомой звезды,
Затерявшейся вдали.

ТЬМА

По наитию я
 нашел верный путь.
В час, когда на тропе
 воцарилась тьма.
Когда свет вдохновенья разум включил,
Словно с глаз пелена, удалилась тьма.
Взором внутренним космос вижу насквозь,
Жизнь продвигу и там, где сгустилась тьма.

МЫ ТАК ВЫРОСЛИ...

Я человек.
Под звездные своды
Пришел я
из мрака небытия.
На вопросы матери-природы
Должен
ответить
я.

«Почему?» —
было первым словом
Свет увидевшего и тьму,
Может,
мира всего
основа —
Изначальное «Почему?».

Что такое земля?
А небо?
Жизнь и смерть?
Начало?
Конец?

Ночь
и снов тревожная небыль?
День
и солнце — его венец?

Мы расстались со сказками прошлыми,
С верой в джиннов
и добрых фей,
И с душой,
опаленной вопросами,
Мы стоим
пред вселенной всей.

Все взрослей мы
от этих вопросов,
Все крылатей
рассудок наш,
Вровень с звездами
стали мы ростом,
И земля нам
уже тесна!
Мы к таким
приближались грозам
И к загадкам
таких огней,
Что становимся
под вопросом
Сами мы
с планеты своей.

Снова и снова искания трепст.
Снова дорога,
где песен не счесть.

Той радости в найденном нету,
Той, что в отчаянных поисках есть.

МОИ ИСКАНИЯ

ОШИБКИ МОИ, ОШИБКИ...

Ошибки мои, ошибки.
Промахи,
Заблуждения.
Не деться от вас никуда,
Не скрыться,
Не убежать.
В уныние меня погрузив,
Вы кажетесь мне чужими,
Ошибки мои,
Ошибки...
Я сердце свое ни разу
Закреть не умел
На замок.
Горело оно,
Говорило
С друзьями,
С самим собой.
Любовь свою не скрывало
И гнев
Не прятало свой...
Бывает,
Живет человек,
Всю жизнь улыбаясь,

Как бублики,
Раздает
Улыбки свои кругом он.
Меж сердцем
И словом его —
Тысяча километров.
Уста его — жаркая роза,
Сердце его — в шипах.
«Джан», —
Начинает он фразу,
«Джан», —
Кончает ее.
Наверное, он ни разу
Не испытал сожаленья.
В тепле своих слов купаясь,
Он проживет всю жизнь...
Не знаю я,
Сколько весит
Осколок моей ошибки...
Другие их,
Может,
Не видят,
Но я их ношу в себе.
Они меня мертвой хваткой
За горло берут
Ночами,
И спать не дают,
И совесть
Терзают они всю ночь.
В душе моей —
Схватка злая,
Но с кем я борюсь —
Не знаю,

И как мне назвать эту битву,
И где ее смысл
И цель?
Конечно, все это странно,
Но самое странное
В том, что
Безошибочно
В этом мире
Живут одни мертвецы.

КАКОЕ МНЕ ДЕЛО?..

О, боже, что делать нам с теми,
В чьих жилах холодная кровь?..

Сабир

Вот ты сказал:

«Какое дело мне?»

И я сказал:

«А мне какое дело?»

Отдельно

мы стояли

в стороне,

Но дело это

вместе нас задело.

Когда одна обрушится гора,
Дрожит гора другая от обвала,
И если чьи-то попораны права,—
И твоего не существует права.

Холоднокровно естество змей.

Ты — человек!

Где ж крови твоей пламя,—

Когда святыни топчутся твои —

Ни свадебною
вьется
лентой.
Полужива, полумертва.
Быть и не быть — ей все едино.
С одним глуха, с другим нема.
И ни лицо и ни личина.

ИЗУМЛЕНИЕ

Изумлением дышат земля, небеса,
Изумление — в каждом мгновении,
Без него
Ничего б я не смог написать,
Мои песни — мое изумление!

Иногда говорят:
«Не осталось чудес —
Все обычное в мире,
Привычное...
Ничего для чудес
Не оставил прогресс,
Чудеса — дело техники личное!»

Но скажи, пассажир,
Ослепительный «ТУ»
За твое равнодушие в ответе ли?
Если мир
Потерял для нас всю красоту,
Значит, мы красоты
Не заметили!

Красоты не увидеть оглохшей душой,
Не ощупать холодными пальцами,
И душа человека бывает слепой,
Словно зимняя речка под панцирем.

Но бездонны глубины небес и озер,
А земля — в переливах и трепете...
Изумленье во мне
Не смолкает с тех пор,
Как в младенческом вырвалось лепете.

Изумленье мое — нескончаемый луг, —
Где стоят в изумленье растения,
Если б я потерял изумление вдруг,
Я б, наверно, застыл в изумлении!

Изумлен я листвою,
В ней — то гимны весне,
То осеннего цвета агония.
Разве может оставить меня в стороне
Неуемного мира гармония?

Что еще перечислить, увидеть, назвать
В этом мире, исполненном тайны?
В этом мире,
Где слово само не узнать, —
Все слова изумленно-случайны!

Трепет ветра, дыхание трав и земли —
Это вздох изумления в мире!
Звон воды, соловьиная трель до зари —
Это песнь изумления в мире!

Задрожав,
Изумляется ветка грачу,
Горизонт, зажигающий зорю,
И ручей изумленье лепечет ручью,
И река изумляется
Морю.
Если даже цветок
Изумленно цветет,
Изумленно
Птенцы шевелятся,
Как могу я
Тому, что цветет и живет,
Перестать на земле удивляться?

Изумленье
Не только
В восторженном «Ах!»,
Изумление — в жизни
И смерти.
И когда я умру,
Вы в застывших зрачках
Изумленья прочтете,
Поверьте!

ЧУДО

Мне б родиться от зарп
На черте, где свет и мрак,
Ночь — в ногах,
День — в головах.
Мне б родиться от цветка
В том саду, где дремлет шах:
Иль от песни ветерка
Над колодцем в камышах,
В заколдованных песках;
Иль от взгляда дивных глаз,
Их хранит Гариб во снах;
От бутыли, где дракон,
О семи что головах,
Спрятал дух свой внопыхах;
От прославленной в веках
Клятвы верности — в устах
Двух влюбленных,
Принужденных
Друг от друга быть вдали —
И Керема, и Асли...

Мне б родиться...
Очутиться
В сказке, созданной мечтой.

Самому бы удивиться:
Я — не тот уже, другой —
Новый сказочный герой,
я — герой
земли родной.

Чудо-камень с трех дорог,
Что во все сказанья лег,
Разум может в пыль стереть.
Пятна, что окружены
Тайной, возмущавшей сны,
Разум стер с лица Луны,
Чтобы не смущали впредь.
Крепнет знание мое:
Хлопок — пороха сырье,
Рушу скалы, в печь кладу
Разноцветную руду —
Сталь варю, чугуны и медь.
Все чудесное вокруг
Стало делом наших рук,
Стоило нам повзрослеть...

Голой ясности боюсь.
Доли знаю наизусть.
Все обыденное — грусть.
По душе мне лабиринт:
Спуск, подъем,
дорога-винт...

Жизни дорог каждый миг.
Опыт жизни — горы книг.
Жить хочу уже сейчас
Так, как будут — после нас...

ДОВОЛЬНО

«Древнее нашей
И мудрее нашей,
Прекрасней нашей
В мире нет земли!
Есть Кер-оглы у нас,
И есть у нас великий Физули».
Ей-богу, много говорим об этом,
Клянусь аллахом, много говорим!
Светить
Чужим стараемся мы светом,
Хоть и считаем
Мы его своим!
Да,
Физули —
Кто с этим спорит? —
Гений,
Но в пафосе хвастливой болтовни
Забыли мы,
Что не имеет тени
Тот,
Кто заснул
У прошлого в тени...
Пора подумать,
Что мы значим сами,

Довольно нам
Кичиться именами,
Не стыдно ли
Хвалить орлиный взмах
С большим усердьем
Невеликих птах?
Бабека бронзой
Хвастать не пристало,
Гордась его величьем,
Как своим.
Хранить
Героев наших идеалы —
Вот памятник
Величественный им!
Мы у подножья генцев
Порою
Возвышенно умеем
Говорить,
Хвалить героев —
Вот где мы герои,
Но, как они,
Мы пробовали жить?!
Пусть в душах наших
Прошлое
Хранится,
Пусть в каждом
Слава прошлая
Живет...
Но время с теми,
Кто вперед стремится,
И беспощадно к тем,
Кто отстает!

ИСТОРИКАМ

Музей.

Чего в нем только нет:

И плем, меча хранящий след,

И робы золоченой свет,

И письма на камне лет,

И книги — летопись побед,

И на любой вопрос —

ответ...

Вот меч кривой,

вот гнутый серп,

Вот рукоять: печать и герб.

Здесь жизнь народа, путь борьбы

За веком век в золе, в пыли,

Твои черты,

Твои мечты,

Застывший крик твой, человек,

из-под земли...

Во сне, во сне безмолвный круг.

Но вдруг!.. Но вдруг

Проснутся и заговорят

О том, что было!

Каждый — вслух.

Застопут своды, завопят

И рухнут...

Тишина вокруг...

А вдруг?.. А вдруг?..

Вот древний щит.

Белкам каменными глаз

Глядит на нас.

Не сводит взгляда и молчит.

Кто знает, чей он, этот вот из камня щит?

Его владелец, может быть,

Был и богат и знаменит.

Забыт он сам, и щит его давно забыт...

А может быть, мог этот щит

Народу целому служить.

Все может быть... Все может быть...

А меч кривой, жестокий меч!

Чья голова слетела с плеч?

Быть может, тысячам мечей

По праву он заменой был?

Быть может, им владел злодей

И славу он врагу добыл?..

Года, года.

Их черед

Впиталась в землю, как весенняя вода.

Как уместилась ты сюда,

Вот в этот маленький музей,

Тысячелетняя судьба?

Не повернется вспять история, друзья!

И слава прошлая моя,

Что на музейных полках спит,

Истории принадлежит.

Историк, роль
Твоя не в том,
Чтобы сказать наверняка:
Тогда-то имярек король
На нас повел свои войска.
Холодным цифрам счет ведя,
Ты не обманывай себя,
Себя и нас...
Ты объясни нам, что к чему
И почему
В тот самый раз
Не одолели мы врага,
Врага, который овладел
Богатством нашим и землей,
На наши руки цепь надел.
 Как он сумел?
А ты — про меч.
Да, это — меч, конечно, меч.
А ты
Запекшуюся
Кровь,
Что обагрила вечный меч,
 на нем заметь!
Об этом речь!
История
 не терпит лжи.
Ты правду людям расскажи.
За ветку взялся, так срезай!
Ста веткам зла не причиняй!

Воюй, историк,
 ты — солдат!
Не отступай пред войском дат.

Причину вывери стократ.
Суть не постигнуть наугад!
Ты объясни:
 зачем и для чего беречь
Завещанную
 дедами святыню —
 честь.

Тогда, поверь, я буду рад
Урок истории прочесть.

Когда звучит зурна, не дай бог, свирель
Помешает.

У каждого есть свое сердце в груди,
Голос свой и своя в этой жизни цель.

Нет говорящих одно и то же, нет.
Нет людей, как две капли похожих, нет.
Чтобы весом и ростом были точь-в-точь,
По уму и запросам были точь-в-точь.

И откуда в тебе
Боязнь ко всему
Разноцветному братству звуков и слов?
Почему ты крапивой пленен, почему,
Выделяя ее из моря цветов?

Ты замираешь, когда кричит петух.
Кукарекать
И только — ему дано.
Зальётся соловей — ты к ста трелям глух,
Когда всё торжества и любви полно.

В Историческом музее под стеклом —
Керамика и фаянс.
Оглянись, кругом

Красота и восторг —

ты слов не найдешь!

Посмотрим на это под другим углом:

Поместим в магазин — ты мимо пройдешь!

Слова твои стары, точно лунный свет.

Нет-нет!

Не лунный свет,

ты сам виноват!

И фаянс был в цене, а сегодня — нет.

Кто о прошлом твердит — идет на закат.

Да, древность прекрасна,

Но разве она

Способна сравниться с сегодняшним днем?

Вся жизнь твоя в прошлое обращена

И останется в нем, порастет быльем.

АЛЫЙ ШУМ

Все во мне взволновал шквал,

Взволновал шквал,

Взволновал.

Ты б меня не задевал:

Гнев мой — порох и обвал.

Я, как гора, пред тобой

Сам себя

держу

в руках.

А чувства — словно прибой,

Как будто мне завтра в бой,

Будто мыслью своею стал

Сам я — так во мне запылал

Пламень раскаленных дум.

Прекрасней я

Не видал,

Чем тот слепой моря вал,

Чем тот знамен алый шум.

Я — КОМПАС

Нет меня. Я с мыслью слит.
А мысль сама —
Мой спутник.
Я — плод ума. Я — плоть ума.
Я с высью слит.
Я — монолит.
Ни разветвлений — ствол мой прям,
Ни разделений — нам и вам,
Ни раздвоений пополам:
Двух «я» синклит —
Претит, претит!
Я — стрелка компаса. Я — цель.
Суфлер заводит канитель:
Туда манит,
Сюда манит.
По горло сыт!
Мой лик — гранит,
Душа — магнит.

ЭХО

Взойди, поэт,
Ты на вершину из вершин.
На твой привет
Придет ответ.
И скажешь ты: «Я — не один!..»

Лежит у ног
Ущелье сна.
Летит стена,
и сон глубок.
Твой зов поднимется со дна.
Ты скажешь: «Я — не одинок!..»

Что значит эхо —
Зов или стон?
Да, эхо — это зов вершин.
Да, эхо — это стон глубин.
И зов и стон сквозь сон.

В горах, где даль вершин светла,
Где спит на дне ущелья мгла,
Откликнутся сквозь сон времен
Немые камень и скала.

МОЙ СТОЛ

Днем в городе,
А к вечеру — домой,
Как птица на насест... Привык уж вроде...
Но мысль моя по свету где-то бродит,
Куда не добиралась и со мной.

Сажусь за стол.
А думы далеко.
Мне с ними все доступнее и ближе.
Они — в горах, где дышится легко.
По их следам я край родной мой вижу.

Я за столом — перо мое со мной.
А мысли, бег свой продолжая вольный,
Границ не знают.
Вот и шар земной
Весь охватили, как радиоволны.

Я за столом...
И мира панорама
Встает в дымах и отблесках огней.
Все бомбы, что терзают грудь Вьетнама,
Взрываются и в комнате моей.

Я так силен.
Я дьявольски силен.
И если где-то ложь в наряд одели
Священных слов,
Я гневом ослеплен.
Как пули, бьют стихи мои по цели.

Я за столом подвержен боли каждой.
Услышу я:
— Синай среди огня,
«Пить!» — жадно молит, —
Губы у меня
Мучительно спекаются от жажды.

Я за столом...
В окне моей квартиры,
Как факел, сердце светит до утра.
И нет чернил,
А — все невзгоды мира
Текут в движениях моего пера.

Я за столом...
Душа напряжена,
И если, мук не выдержав высоких,
В ней звонко обрывается струна,
То рвется ритм стиха, ломая строки.

Невидима земля в ночной тиши,
Но, кажется, доступны все места мне,
И стол мой посреди земли поставлен
Барометром ее живой души.

Мечта в пути.
Лечу я вслед за ней.

Земля и небо,
 мир в сиянье алом,
И тысячи дорог к сердцам людей
Отсюда,
От меня, берут начало.

Но только я встаю из-за стола,
Как нахожу обычную квартиру.
Дневные вспоминаются дела.
Теперь вокруг не поместиться миру.

Я встал,
 и гражданина мира нет.
Стою, устало разгибая спину.
Опять отец лишь своему я сыну.
И надо спать,
Везде проверив свет.

Но этот житель маленький — не я.
Душа — в стихах,
И там меня ищите,
Среди страстей, страданий и событий,
Где снова безгранична власть моя.

РИФМА

Рожденная не звукосочетаньем,
А сочетаньем
Мысли с мыслью,
Рифма
Лишь та,
Что обнаруживает рядом
Цветенье роз
И пенье соловья.
Земля и небо,
Радость и беда
Между собою
Ищут рифму сами,
Рифмуются
Падения и взлет,
Живут,
Друг в дружку вглядываясь жадно,
«Вчера» и «завтра»,
День и ночь...
И вечно
Неразлучимы в мире
Жизнь и смерть.

В НАРОДЕ

Растают горы, словно воск,
Между сердцами двух людей.
Бас или дискант — не вопрос,
Пусть их рассудит слух людей.

Запомни, и в рассветный час,
И в час любви, и в смертный час
Поет о том, что видит в нас
Ашуг — и брат и друг людей.

Уста поэтов записных
Не созовут сердца на стих.
Не любят даже запятых
Слова и дело рук людей.

Пусть проявятся реки гор,
Пусть слово с делом кончат спор,
Пусть рухнет каменный забор —
Теснее станет круг людей.

ТОЛЬКО ПОВОД

Белеет волос, и тускнеет взор,
При чем тут возраст, — возраст только повод.
Ты ранен камнем, брошенным в упор,
При чем тут камень, — камень только повод.

Порой желтеют листья и весной,
Что ни случится на земле с тобой,
Все, говорят, начертано судьбой,
Болезнь и неудача — только повод.

Над слабостью чужой — кощунствен смех,
Не каждому сопутствует успех,
На жизни твоей сад нагрязнул снег,
Но снег не виноват, — он только повод.

Прекрасен был мечты твоей пожар,
Но для нее ты слишком слаб и стар.
Ты недоволен жизнью, Бахтияр?
При чем тут жизнь, — она лишь только повод.

МОСТЫ

Пусть сжигает страданье мосты,
Но само его пламя — мосты.
Потому и не гибнет любовь,
Что сердца наши сами — мосты.

ГАЗЕЛЬ

«Жду-жду!» — разлуке день за днем твердил с мольбою я.
Твою любовь соединил с моей судьбою я.

Не зная горя, ты жила, жила ты без забот.
Но тень тоски у глаз твоих навел сурьмою я.

«Жду-жду!» — призналось сердце мне,
а разум гнал: «Прочь-прочь!»
Неравный бой кипел во мне, был полем боя я.

И каждый день меня встречал пощечиной любви.
Я из последних сил терпел, был сыт любовью я.

Как душит чувства, гонит сны о прошлом Бахтияр!
И душу сделал навсегда любви тюрьмою я.

НЕ СТАРИТСЯ

Над нами властвует веками миг,
Но пламень сердца никогда не старится.
Пусть горы превращает в камни миг,
Само мгновенье никогда не старится.

Прошла весна, в душе тоска зимы.
В долинах пашни влажные темны.
Пусть взглядом высохшим глядим на это мы —
Глаза надежды никогда не старятся.

О, Бахтияр, раздумью волю дай,
Давай мечтать, вернем на сердце май.
Коль ты поэт, на старость не пеняй:
Поэта слово никогда не старится.

СТАЛ...

Одной душой мы были оба.
Расстались — многими я стал.
Ты — мой аллах! Поверь мне, чтобы
Постичь тебя, я верой стал.

Я по своей шагал дороге.
Я знал своей реки пороги.
Самим собой я был в итоге,
Собой, и вот тобой я стал.

Зачем мне день и ночь отныне?
Забудь мое навеки имя!
Кричу: «Терпи!» Один в пустыне
Я сам своим же криком стал.

И бушевал я, словно море.
Хранил молчание немое.
В разлуке, шел я, нету горя,
И сам своим просчетом стал.

МЕЖДУ...

Судьба моя — сумерки, бледная мгла.
Ни ночь и ни день. Нет на утро надежды.
Добра не творю и не делаю зла.
На чашах весов моя жизнь, а я между.

Стою на распутье. Вперед ни на шаг.
Раздвоен, у тяжких сомнений в руках.
И в гору мне страшно и страшно в овраг.
Там вверх, а здесь вниз — моя жизнь, а я между.

Я в горе один, как заблудший в лесу.
Я в крепости каменной службу несу.
В прихожей топчусь и никак не решу:
Здесь выход, там — вход в мою жизнь, а я между.

О, сколько в тебе, Бахтияр, твоих «я»
Живут то печалю, а то веселя.
Колочую проволокой держит земля:
Баку и Тавриз — моя жизнь, а я между.

МЫ РАССТАЛИСЬ

Мы расстались...
Смотрели на нас в упор.
Мы расстались...
Невыносим был укор.
Мы расстались...
Угомонилась родня.
Мы расстались... страдая, и ты, и я.
Мы расстались...
И песня оборвалась.
Мы расстались...
Себя и любви стыдясь.
Мы расстались...
Остановилась земля.
Мы расстались...
И — ты — не ты, я — не я.
Мы остались после жестоких ветров,
Словно ветки без созревших плодов.
В жизнь, как в гору, ты шла
за мною след в след.
Провидения волю свела ты на нет.
Мы расстались...
Я заблудился в горах,
Примирился с судьбой,
исчез в облаках.

Запалил я костер,
и сам в нем горю.
Вышел в бой
Сам с собой
и пал в том бою.
Мы расстались...
Зачем,
почему
и как?
Мы расстались...
Совсем не пойму я как.
Мы расстались...
Помимо воли своей.
Мы расстались...
По воле своих семей.
Мы расстались...
Без зла, все было добром.
Это только разлука,
встреча — потом...
Мы расстались,
но все еще влюблены.
И в сердцах наших
стон разбитой струны.
Плачь, любовь!
Ты подобна той сироте,
У которой есть мать и отец,
но где?
Я пытаюсь забыть тебя,
но никак
Не могу.
Нет, мой разум душе — не враг!
А чтобы забыть тебя, моя любовь,
Вновь я должен родиться, и только вновь!

Ты подарила мне любовь свою не даром.
Ты отняла меня у самого себя.
Своим божественным, прекрасным даром
Казнишь и мучаешь, как говорят, любя.

И светом дней руководит закон.
Они в свой срок длинней,
в свой срок короче.
Определен приход на землю ночи,
И утренней заре свой час знаком.
Все рассудила мудрая природа.
Восходит жизнь —
Известен срок восхода.
Лишь прерывает смерть
бег дней, нам данных,
Не вовремя,
И всякий раз неожиданно.

СЕГОДНЯ ДЕНЬ СЕДЬМОЙ

Ушла из жизни ты,
ушла навек.
Куда ушла — твои не знают дети.
Мгновенно исчезает человек,
Как будто никогда не жил на свете.

Погасло солнце...
В комнате темно.
Исчезла ты, как тень, в мгновенье ока.
Осталось в сердце черное пятно,
А в памяти — безвестная дорога.

Ты нас растила,
неслухов, задир,
Не зная благодарности.
Прости нам!
О мать, меня ввела ты в этот мир!
Я проводил тебя в дорогу с миром.

Пою за упокой твоей души
Я песни те,
что ты мне в детстве пела.
Поющий сон мой глаза смежил,
А ты без сна у ног моих сидела.

Ты пела мне: «Спи сладко,
мой сынок,
Спи, ненаглядный,
маленький мой воин...»
И я теперь сижу у твоих ног
И слезы лью:
«Спи, матушка, спокойно».

Да буду жертвой я твоей!
Поклон
Тебе и круг почета бесконечный.
Смогу ли уберечь твой вечный сон,
Как берегла ты сон мой быстротечный!

О, этот мир,
прекрасный как назло!
Играет мной,
как свет играет с тенью.
Та, кто вчера давала мне тепло,
Плывет сегодня льдиной по теченью.

О человек,
витая в облаках,
За землю держишься ты что есть силы!
Несешь ты тяжесть жизни на плечах,
И на плечах тебя несут в могилу.

О, странный мир!
Смогу ли я понять,
Что смерть в нем — истина,
а жизнь — лишь грезы.

Ты осушала слезы мои,
мать.
Кто осушит мои сегодня слезы?

Меня врачуя,
говорила ты:
«Да перейдут ко мне твои напасти!»
Зачем же на меня свалила ты
Такое
непомерное несчастье?

Мать,
сколько раз тебя я обижал!
Прости за те невольные обиды.
Но ты ушла.
И боль моя свежа,
Как и земля на дне твоей могилы.
Дом опустел.
Вот — кресло,
вот — кровать,
Где ты сидела,
отдыхала,
мама.
«Где бабушка?» — твердит мой сын упрямо.
Что мне ему ответить,
что сказать?

Да, странный мир.
Сосуществуют в нем
И смерть, и жизнь — соседи по квартире.
Твоим дыханием согрет наш дом,
А ты уже в ином,
беззвездном мире.

Твои поминки:
нынче день седьмой.
А комната твоя хранит молчанье.

Так хочется поговорить с тобой
И высказать тебе слова отчаянья.

Ко мне подходят сестры:
«Вот беда,
Кого позвать на мамины поминки?» —
«Давайте спросим маму, как всегда,
Она родню всю знает
без запинки!»

Еще роднее стала мне земля
С тех пор,
как в ней родная есть могила.
Мать, ты горой стояла за меня
И гору горя
на меня взвалила.

Теперь же
светлым именем твоим
Назвал я дочь свою,
к ней обращаясь,
Гляжу я на нее сквозь слезный дым,
Как ты смотрела на меня,
прощаясь.

Ты прожила, мать,
ровно шестьдесят.
Часы судьбы твоей теперь стоят.
Мое же время движет стрелки дня.
Оно идет
и дни на ночи нижет.
Ты с каждым днем
все дальше от меня.
Я с каждым днем
к тебе все ближе, ближе...

★ ★ ★

В неделю сколько раз
И сколько раз на дню
Мы ссоримся, миримся...
Что такое?!
Могу ли я любовь винить одну,
Что ни уму, ни сердцу нет покоя?

Упреки, ругань...
Места не найду!
Но почему я снова все прощаю?
В неделю сколько раз
И сколько раз на дню
Я нахожу и вновь тебя теряю.

Забыто все —
И слава, и почет,
Пока не поздно, надо нам расстаться!
Я ухожу... И вновь меня влечет
Найти тебя.
В любви тебе признаться.

ПОДОЖДИ, ВЕТЕР

Ветер, какой ты мятежный,
С душою неукротимой,
Ветер, какой ты нежный,—
Как руки моей любимой.
Подожди, постой, не спеши,
Погости у меня в глуши.

Схожи с твоим порывом,
Мои думы кипят, клубятся,
С этим огромным миром
Хочется им обняться.
Подожди, не спеши, постой,
Я хочу улететь с тобой.

КАК ТЫ ВСЕСИЛЬНА

I

О, как хотел я погрузиться
в море сна,
Чтоб утопить в нем тягостные мысли
О том, что нет тебя!

Но что же вышло:

Сон тенью стал твоей —
где ты, там и она.

Мой сон со мною в ссоре.
Где-то бродит он
По следу твоему в уснувшем мире.
Отягчены мои ресницы гирей
Тоски по прошлому.
Но не приходит сон.
Хотя бы мне с тобой во сне
расстаться,
Не думать о тебе и о своей судьбе.
Мой сон со мною в ссоре.
И, признаться,
Он испугался этих мыслей о тебе.

II

Хотел я стать бродягой,
 чтоб в дороге
 Случайно потерять
 одну лишь мысль о том,
 Что нет тебя.
 Измученный, в итоге
 Домой вернулся с тем, с чем и покинул дом.
 Хотя и нет тебя,
 мое несчастье в том,
 Что нахожу тебя уже в себе самом.
 Где я — там ты.
 Нет, не могу я больше!
 Мысль о тебе самой разлуки горше.
 Твое отсутствие — как соль на рану.
 Терновник в сердце —
 только думать стану.
 И память вспыхивает, словно пламя.
 Вновь вижу я в ее огне
 вчерашний день.
 Молюсь, чтоб провалилась моя память:
 Пусть никогда не видеть мне
 вчерашний день!

III

Что делать? Хохотать, лишь бы не слышать плач
 Души моей, ее мольбу и крики?
 Не знал я, что любовь —
 искуснейший палач,
 Меня лишивший смеха и улыбки.

Себе кажусь я мертвым,
 будучи живым.
 И даже странно,
 я не протестую.
 О, как всеильна ты
 отсутствием своим:
 Вот нет тебя — и я не существую!
 В душе моей — зима,
 а в мыслях — вешний дым.
 И я живу надеждами пустыми.
 О, как всеильна ты
 отсутствием своим:
 Уже родные стали мне
 чужими!
 Любовь,
 мечты
 и счастье —
 все вчерашний день.
 Ты победила,
 сдался я без боя.
 В твоё отсутствие
 я — только твоя тень.
 Сегодня умерло,
 а живо лишь бывшее.
 Зачем играю
 на расстроенной струне
 Одну и ту же песню
 о вчерашнем дне?..

МОИ СВЕРСТНИКИ

*Своему другу А. Азмедову
посвящаю*

Друзья мои,
Уже вершины в серебре,
Поблекла роза
на заре.
Холодный ветер в нашу дверь
С победным смехом рвется в октябре.
На пожелтевшую листву,
траву взгляни.
И на густую черных туч
грядущую взгляни.
На отцветшую в полях
страду взгляни.
Недавно здесь река неслась
во весь опор,
А ныне тишина на берегу.
Перед природою в долгу
За каждый день ведешь с ней спор.
О сверстник мой,
Когда-то были мы детьми,
Потом отцами стали мы.
Прошли года...
Устали мы.

В одной руке у нас вода,
и неспроста:
огонь — в другой.

Да, это — мы...

В преддверье тьмы,
За гранью жизни молодой.
И ждет нас старость за чертой...
А жизнь идет,
и снег идет.

Уж голова

седым-седа,
белым-бела.

В меджлисах нас никто не ждет.
Все меньше дела нам до шумного стола,
Веселых свадеб и гостей.
У нас свои теперь дела.
А что я жизни дал?

Поверь,
Лишь то, что жизнь взяла сама.
А что от жизни взял?

Поверь,
Лишь то, что жизнь дала сама.
И память дней —
Слабей, слабей.
И выпадают имена
Моих друзей

из книжки записной моей,
Как падает листва с ветвей.
И сердцу с каждым днем
становится трудней
Вычеркивать
из книжки памяти своей
Когда-то близких мне людей.

У жизни свой на это счет.
Мы были молоды, друзья!
Теперь у каждого из нас
Своя семья.
И вот мы женим сыновей
И замуж прочим дочерей...
Своих отцов и матерей
Мы проводили

в дальний край,
в глубокий май.

И детям дали имена
Своих отцов
И матерей,

чтоб жизни нить

соединить,

Чтоб перекинулись мосты из детских снов
в печальный край.

И заменили дети нам
Отца и мать,
По именам

их называй
и вспоминай...

И дети нам

вернули май,
высокий май.

Я молод был и говорил:
Как много жил он — шестьдесят!
Теперь же, будучи в годах,

я говорю:

Как мало жил он — только шестьдесят!

Два знания борются в душе,
двух чувств война.

Нам смолоду весь мир — весна.
Но, постарев, мы видим мир,
Устав от сна.
Нас отрезвляет седина.
И тайна в том, что тишина
Нам обостряет зренье, слух,
Иначе слышим каждый звук,
Иначе смотрим

вдаль и вглубь.

Крадем у жизни каждый миг,
презрев недуг.

Нет, добровольно мы из жизни не уйдем.
Не понимали мы отцов,
Теперь никак своих сынов

мы не поймем.

Споткнется сын — ворчим,

недаром — старики,

Забыв, что сами получали синяки...

Стареем мы.

И чем старей,

Тем больше мы

влюбляемся в самих себя

И потому ворчим, любя.

* * *

Когда-то каждый фрукт нам в свой сезон
дразнил и взгляд, и вкус.

Теперь нам круглый год —
зима,

И фрукты потеряли вкус.
Но в чьих устах
И в чьих глазах?

ДОРОГУ ПРОКЛАДЫВАЕМ В ГОРАХ

Единый лик, единый крик:
Дорогу в небо напрямик!
Стоит гора —

 прошла пора в обход идти.
Гора — как воск,
 коль пламя — мозг, вперед идти!
Пусть нам завидует гора,
 зовет идти.

Будь начеку!
 В горах нельзя — без головы:
Как вокруг пальца обведут
 под смех лавин.
Всю мощь свою яви горам,
 а не испуг,
Мощь смелых рук.
Пусть горы ходят вокруг нас,
 не мы — вокруг!

Кто сделал шаг, тот должен знать:
Уже не обратимся вспять.
Тем, кто идет прямым путем,
Нельзя устать, нельзя устать!
Наш век не любит кривизны,
 что за нужда!

Сверкает трасса, как кинжал
 в руке труда.

Пути истории и те срезали мы.
Кратчайший путь познали мы.
И кубок дня мы пьем за час.
Идем — куда не хватит глаз.
И время обогнали мы...
Мы с гор в долину путь ведем.
Мы, как стремнину, путь ведем.
Из ночи в тыщу светлых дней
Восходит трасса, мы — за ней.
Мы смерти в самое нутро

 врезаем путь.
И времени мы сокращаем путь.
В мгновение ока прожит день.
Наш век за нами — словно тень.
Так шаг за шагом,
День за днем
Мы путь ведем...
Идет дорога в нас самих,
 мой следы уже в пути.
Глаза мечты уходят вдаль,
 дела мечты уже в пути.
Еще немного!
Поспеши!
Уже в дороге след души и свет души.
Вперед, дорога,—
Жизни суть!
Счастливый путь!
Счастливый путь!

ВОКЗАЛЬНЫЕ НОЧИ

Кочевые
Вокзальные ночи
В многолюдной
Тоске одиночеств,
Жизнь задумалась здесь
В ожиданье
Меж разлукою
И свиданьем.
Здесь кончается город
И здесь начинается,
То печалью, то радостью
Все здесь венчается.
Голоса поездов,
Словно песни бродяжки,
Далеки и печальны,
Гулки и протяжны...
И вокзал оживает —
Идут пассажиры,
Из другого как будто
Прибывшие мира.
Торопливо они
На вокзалах слезают,
И опять поезда
В темноте исчезают...

Ожидаем,
Свыкаясь с вокзальным укладом,
Мы свой поезд-судьбу
Под большим циферблатом.
Вот прожектора луч
Тьму ночную прорежет,
Заскрежещут колеса —
Судьбы нашей скрежет.
Отбивают колеса дорожную повесть,
И летит
Нашей жизни
Грохочущий поезд.
Зажигается свет
То зеленый, то красный,
Кто тревогой объят,
Кто мечтою прекрасной.
Кто на полке
Во сне пребывает глубоко,
Кто к летящим
Припал в нетерпении
Окнам.
Поезд жизни несется —
Вагон за вагоном,
Для кого-то последним
Стуча перегонном.
Кто-то едет дорогой
Прямой и привычной
И до цели своей
Доезжает столичной.
Кто-то будет томиться
На каждой стоянке
И сойдет
На неведомом полустанке.

Ты слышишь — первый жизни крик!
Теперь тихонько поезжай
И знай,
что будет так
всегда!

РОДИЛЬНЫЙ ДОМ

Постой, водитель,
 не сигналъ,
 что за нужда?
Из дома этого в наш мир
 лишь миг
 и — крик! —
Восходят за звездой звезда,
Бессчетных солнц череда,
И новых мыслей простота,
 и новых чувств чистота,
И новых подвигов труда
 красота,
И новые страницы книг,
И новый времени язык,
И муки вечная страда,
И обновленная мечта,
И новостройки-города,
И грядущие года,
И обещающая даль —
Здесь все, чем Родина горда...
Постой, водитель,
 не сигналъ.
Притормози на краткий миг.

ДАР МАТЕРИ

Молится мать:
— Всемогуший аллах,
Ты сотворил это небо и землю.
Милость дающего — в щедрых дарах.
О снизойди,
Просьбе матери внемля.
Нет, всемогуший аллах, меж людьми
Дара, что был бы для матери слаще.
Годы от жизни моей отними,
Дай моему их ребенку на счастье...

Что она просит?
Ребенок здоров...
Что за порыв — торопиться к могиле?
Много на свете бесценных даров.
Но чтобы жизнь так охотно дарили?..

Мать —
Я не знаю превыше высот
И благороднее имени.
Значит —
Дара нет выше.
Мать жизнь нам дает,
Да и свою щедро дарит в придачу.

СТРАХ

В неведение ребенка страха нет.
Я с той поры и помню-то немного,
Но на руке,
Как память детских лет,
Остался еле видный след ожога.

Огонь! —
Предупреждали все меня.
Испытанное остается с нами.
Мне было очень просто тронуть пламя —
Знакомство с жизнью
Началось с огня.

А как ласкало
Очага тепло...
Но памятно нехитрое начало.
И странно,
Что б потом ни увлекло,
Оно же и порядком обжигало...

Обжегся я,
И на момент
Тревожно

Раскрылся мир,
Собою становясь.
Так страх возник,
А следом — осторожность.
Жизнь началась...

МАТЬ И ДЕТИ

— Как тебе объяснить,
 поймешь ли ты, мать,
Нынче время не то, не тот разговор.
Спешим, бежим, летим, чтоб луну обнять.
А вопросы твои древней лунных гор.

— У вас хоть тьма ума, но света в нем нет.
Выросли вы, к чему вам мать и совет.
А как же я,

 когда вы, кроме «инга»¹,
Ничего не могли о себе сказать,
По движению губ, по глазам смогла
Все желания ваши предугадать?

¹ Инга — мама.

Нередко мать прикрикнет на детей:

— Не бегай!

— Не шуми!

— Где долго бродишь?

— Сиди спокойно!.. —

Этого не смей,

Того не смей,

И все в таком вот роде.

А что еще ребенку делать, мать?

Когда потом он сможет испытать

Такую легкость и беспечность?

Где ж он

Порадуется жизни без помех?..

Придет пора —

Измерен будет смех

И каждый шаг

Рассудком трезво взвешен.

КОРНИ

Деревья на своих стоят корнях.

Те силу им дают листву поднять,

Тянуться вверх,

Держаться на скале...

Пример нагляден, прост.

Но на земле

Имеет корни все:

Гора и камень,

Сама земля.

А наши корни —

Память

И мысль,

Во все входящая упорно.

Мы в голове

Храним все наши корни.

МОЯ МАТЬ

Она неграмотна
И имя
Свое не сможет написать,
С душой и думами простыми
Моя заботливая мать.
Но мать меня учила счету,
Народной мудрости примет,
Движенью месяцев и лет,
И времени круговороту.
Но, главное, она учила
Меня родному языку,
Открыв мне слов живую силу.
Так стал поэтом я.
В строку
Вложил и радость, и печали —
Все то, чем и живет поэт.
Слова простые излучали
Не сразу уловимый свет...
Знаком и мне благой порыв,
Но матери любой строкою
Обязан.
Душу слов открыв,
Она ведет моей рукою.

ОБИДА НА ГОДЫ

Юною беспечною порой
Мне казалось: сорок — это старость.
Сорок мне. Но сколько, боже мой,
Детского в душе моей осталось!

Не вчера ли плечи резал мне
Ранец, детством пахнувший и школой,
Не вчера ль скакал я на коне —
На тростинке мчался камышовой?

Тот же я — от головы до пят.
Как мне быть?
Не чувствую я годы!
Как тогда, мечты мои кипят,
То в долины мчат они, то в горы.

Я себя на детскости ловлю,
На свои желанья улыбаюсь...
Словно сном я
Безмятежным сплю —
Годы мчат, но я не просыпаюсь!

С детворой я вовсе не шучу —
Лишь увижу, как они резвятся,
Взявшись с ними за руки,
Хочу
С их ватагой шумною сравняться.

Чтоб ничто
Побегать, пошуметь,
В прятки поиграть мне не мешало —
Так бы мне запрятаться суметь,
Чтоб на след мой
Старость не напала.

Только годы — что уж там скрывать —
О себе напоминают явно,
Если стал в дороге уставать,
Ни при чем тут рытвины и ямы.

Но когда я в розовом дыму
Солнце лучезарное встречаю,
Молод я,
И сыну своему
Я себя ровесником считаю.

ДВА ДРУГА, ДВА СВЕРСТНИКА

Ребенком зимнею порой
И с вожделением и с тоской
Я ждал, когда придет весна,
Когда меня найдет весна.
Я ждал, твердил: «Весна идет».
Как медленно она идет!
Невыносим ее каприз:
Знай барабанит о карниз!
Ее почуяв аромат,
Кричал я: «Вот идет мой брат,
Идет играть со мной мой друг,
Мой однолесток — шире круг!»
Я был весной, сама весна
Была мальчишкой, как и я.
Мы с нею — сверстники, друзья.
И радость пили мы до дна...
Теперь другие времена.
И жизнь прошла...

Опять весна.

Травы, листья зеленый пух.
Пируют горы, реки, луг.
Во всем верна себе весна,
Верна себе и мне верна.

А у меня полно забот,
Ненужных дел — невпроворот.
Я тороплюсь, как на пожар.
Спешу я слиться с суетой
И жизнь мою — бесценный дар —
Заполнить праздною пустотой...
Журчит вода в ущельях гор,
Со мной заводит разговор.
Я слышу песню прежних дней,
Но я не подпеваю ей.
Я тороплюсь.

И на меня
Весна глядит при свете дня.
И полудетский этот взор
Таит и жалость, и укор.
Цветы танцуют на лугу,
Благоуханием пьяня.
Но я их видеть не могу
За вечной сутолокой дня.
К весенним запахам я глух.
Мой взор от времени потух.
Спешу я слиться с суетой
И жизнь заполнить пустотой.
А на ветру шумит листва:
«Стареешь!»

И она права.
О, как стареть мы не хотим!
Как рады мы уходу зим,
И наступлению весны,
И обновлению страны!
Встречая каждый раз весну,
Давал я клятву не одну,
Что буду с ней опять играть,

Как прежде, другом называть.
Мечтами этими прельщен,
Впадал я в деловитый сон,
А пробудившись ото сна,
Вдруг замечал: прошла весна.
Не видел я во тьме забот
Ее приход, ее уход.
Теперь мне жизнь моя ясна:
Нужна мне не сама весна,
А утешительные сны:
Дожить бы только до весны.
Я жду.

Дорога далека...
И мне весенняя тоска
Приятнее весны самой,
Которую я жду с тоской.

Не все оставит след, заслужит славословья...
Когда и я уйду,
Мой некролог готова,
Внесите и мечты, что унесу с собой.

НЕКРОЛОГ

Сухая горстка слов.
 Вся жизнь в скупой картине.
 Последний горький вскрик
 И взгляд назад единый.
 Жизнь, сжавшись, улеглась в два-три десятка строк.
 О, если б прочитать их сам ушедший смог.
 Что б делал он тогда?
 Смеялся бы?
 Заплакал?
 Его меж нами нет,
 и не подаст он знака...
 Из беглой записи
 им совершенных дел
 Последний раз на нас покойный поглядел.
 Уходит человек —
 С ним гаснет целый мир...
 Значительней того, что можем сделать мы,—
 Высокие мечты
 и к ним порыв священный.
 Рождаются мечты всегда вперед свершений.
 Желания мои,
 Мой замысел любой
 Прекраснее тех дел, что суждены судьбой.

СОДЕРЖАНИЕ

Размышление. Перевел Э. Балашов	5
Дед, отец и я. Перевел А. Передреев	6
Как красивы бывают облака. Перевел Э. Балашов	8
Зов родной природы. Перевел В. Проталин	11
Фазтон. Перевел Э. Балашов	15
«М-1» — «Волга». Перевел Э. Балашов	18
В сердце четыре времени года. Перевел Э. Балашов	21
К чему гордыня? Перевел Э. Балашов	22
Что сильнее? Перевел Э. Балашов	23
«Нопу очки...» Перевел В. Проталин	24
Постой, Человек! Перевел А. Передреев	25
Время и мы. Перевел А. Передреев	27
К сожалению... Перевел Э. Балашов	29
Реальность и мечта. Перевел Э. Балашов	31
Крылья моих дум. Перевел Э. Балашов	32
Тьма. Перевел Э. Балашов	35
Мы так выросли... Перевел А. Передреев	36
Мои искания. Перевел Э. Балашов	38
Ошибки мои, ошибки... Перевел А. Передреев	40
Какое мне дело?.. Перевел А. Передреев	43
Нейтральная зона. Перевел Э. Балашов	45
Изумление. Перевел А. Передреев	47

Чудо. Перевел Э. Балашов	50
Довольно. Перевел А. Передреев	54
Историкам. Перевел Э. Балашов	56
Человек-экспонат. Перевел Э. Балашов	60
Алый шум. Перевел Э. Балашов	63
Я — компас. Перевел Э. Балашов	64
Эхо. Перевел Э. Балашов	65
Мой стол. Перевел В. Проталин	66
Рифма. Перевел А. Передреев	69
В народе. Перевел Э. Балашов	70
Только повод. Перевел А. Передреев	71
Ты ушла. Перевел А. Передреев	72
Мосты. Перевел Э. Балашов	73
Газель. Перевел Э. Балашов	74
Не старится. Перевел Э. Балашов	75
Стал... Перевел Э. Балашов	76
Между... Перевел Э. Балашов	77
Мы расстались. Перевел Э. Балашов	78
Какой жестокий дар! Перевел Э. Балашов	80
«И светом дней руководит закон...» Перевел В. Проталин	81
Сегодня день седьмой. Перевел Э. Балашов	82
«В неделю сколько раз...» Перевел А. Передреев	86
Подожди, ветер. Перевел А. Передреев	87
Море — берег. Перевел А. Передреев	88
Как ты всеильна. Перевел Э. Балашов	89
Мои сверстники. Перевел Э. Балашов	92
Дорогу прокладываем в горах. Перевел Э. Балашов	98
Вокзальные ночи. Перевел А. Передреев	100
Родильный дом. Перевел Э. Балашов	102
Дар матери. Перевел В. Проталин	104
Страх. Перевел В. Проталин	105
Мать и дети. Перевел Э. Балашов	107
«Нередко мать прикрикнет на детей...» Перевел В. Проталин	108

Корни. Перевел В. Проталин	109
Моя мать. Перевел В. Проталин	110,
Обида на годы. Перевел А. Передреев	111
Два друга, два сверстника. Перевел Э. Балашов	113
Некролог. Перевел В. Проталин	116

Бахтияр Вагабзаде
(Вагабов Бахтияр Махмуд оглы)

З О Р И

М., «Советский писатель», 1974, 120 стр. План выпуска 1975 г. № 267.
Художник Г. В. Алимов. Редактор Г. Г. Валиков. Худож. редактор
Е. Ф. Капустин. Техн. редактор Ф. Г. Шапиро. Корректор Н. К. Тишина.
Сдано в набор 11/VII 1974 г. Подписано к печати 4/XI 1974 г. А 02385. Бу-
мага 70×108¹/₂, № 1. Печ. л. 3¹/₄ (5,25). Уч.-изд. л. 3,74. Тираж 10 000 экз.
Заказ 541. Цена 39 коп. Издательство «Советский писатель». Москва К-9,
В. Гнездиновский пер., 10. Тульская типография «Союзполиграфпрома»
при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли, Г. Тула, проспект имени
В. И. Ленина, 109.

